

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-202-213

АПОЛОГИЯ ИЛИ РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА О НАПОЛЕОНЕ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» Н.М. КАРАМЗИНА И ЭПОПЕИ «ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО*

Блудилина Н.Д.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

121069, Москва, Поварская, 25а, Российская Федерация

Аннотация. В статье прослежена трансформация мифа о Наполеоне на страницах «Вестника Европы» (1802–1804) Н.М. Карамзина и романа-эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого. В цикле статей о Наполеоне «Вестника Европы» Карамзин представляет разные психологические и художественные модели трансформаций образа Наполеона в прессе. Для Карамзина – будущего историка – это важно для возможного разрешения противоречия (уже назревающего исторического военного конфликта), которое существует в данной ему реальности, и которое сейчас ему невозможно разрешить иным путём, чем демифологизацией личности Бонапарта. Показать двойственность отношения к мифу Наполеона и развенчание его в общественном сознании александровской эпохи, опровержение мифа самой реальностью событий войны с французами было художественной задачей Толстого, одним из источников решения которой для писателя стал опыт Карамзина.

Ключевые слова: русская литература, XIX век, Н.М. Карамзин, журнал «Вестник Европы», Л.Н. Толстой, роман-эпопея «Война и мир», Наполеон, образ, миф.

APOLOGY OR DEBUNKING OF THE MYTH OF NAPOLEON ON THE PAGES OF THE N. KARAMZIN'S «ENVOY OF EUROPE» AND THE NOVEL «WAR AND PEACE» BY L. TOLSTOY

N. Bludilina

A. Gorky Institute of world literature

25a, Povarskaya Str., Moscow, Russian Federation, 121069

Abstract. The article traced the transformation of the myth of Napoleon (apology or debunking) on the pages of N. Karamzin's «Envoy of Europe» (1802–1804) and the novel «War and peace» by Leo Tolstoy. In a series of articles about Napoleon in «Envoy of Europe» Karamzin presents different psychological and artistic transformation models of Napoleon's image in the press. For Karamzin as a future historian, this is important for possible resolution of a contradiction (already looming historical military conflict), that exists in reality given to him, and that now cannot be resolved in any other way, then by demythologization of the Bonaparte's identity. To

* Работа выполнена по исследовательскому проекту РГНФ № 15-04-0049 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Блудилина Н.Д., 2016.

show the ambivalence towards the myth of Napoleon and debunking it in public consciousness of the Alexander era, and a refutation of the myth by reality of the war with the French was an artistic task of Leo Tolstoy.

Keywords: Russian literature, the 19th century, N. Karamzin, magazine «Envoy of Europe», L. Tolstoy, the novel «War and peace», Napoleon, image, myth.

Всплеск широкого общественного, культурного интереса к Н.М. Карамзину, вызванный его 250-летним юбилеем, помог «вновь» установить, что он «великий писатель во всём смысле этого слова», по пушкинскому определению, что не раз было отмечено в СМИ, и, разумеется, в многочисленных докладах на столь же многочисленных и разнообразных научных конференциях. Обозначено было исключительное влияние и самой личности Карамзина, и, несомненно, его творчества на современников и потомков.

Обратимся теперь к изысканиям прошлого. Ещё в XIX в. учёные помимо изучения его биографии исследовали также «образ мыслей Карамзина как историка», — А.Д. Галахов [10, с. 11]. В советское время к постановке проблемы значения карамзинского наследия для русских писателей, прежде всего, для Л.Н. Толстого первым обратился в своих историко-литературных исследованиях Б.М. Эйхенбаум. Важно отметить, что задачу литературоведения он видел не в воссоздании замкнутых в себе эпох прошлого, а в изучении постоянно действующих законов исторической динамики. Эйхенбаум выдвигает мысль о творческой связи Толстого-художника не столько с современной ему литературой, сколько с литературой конца XVIII в., утверждая, что более всего Толстой сближается с Карамзиным [21].

Известный историк культуры и литературовед Ю.М. Лотман утверждал,

что созданные Карамзиным жанры, сюжеты, конфликты и характеры были своего рода «генетическим кодом», определившим развитие русской литературы на много десятилетий, связи с его творчеством «в форме ли полемики, преодоления влияния или продолжения традиции» знаменуют целый этап русской литературы [15, с. 312].

Сам Карамзин весьма иронично относился к проблеме «влияния». 3 ноября 1810 г. он писал П.А. Вяземскому: «...Тургенева, Жуковского смело называю в Петербурге друзьями, хотя первого редко видим, а второго почти никогда; первый занимается движением, второй – сидением: пишет академическую речь ... о влиянии etc. Это богатый предмет: не правда ли? Мы все произошли от влияния; всё зависит от влияния и проч. Это самое академическое влияние...» [13, с. 312]

Из современных работ, близких нашей теме, стоит отметить кандидатскую диссертацию Н.А. Спектор «Н.М. Карамзин в художественном сознании Л.Н. Толстого» (1998), которая прослеживает линию формирования жанра «Войны и мира» и возможность того, что в этом процессе определённую роль сыграло знакомство Толстого с «Историей государства Российского» Карамзина [17]. Статьи Н.М. Карамзина из «Вестника Европы» в качестве источника влияния на эпопею ей не исследуются.

Докторская диссертация Л.А. Сапченко «Творческое наследие Н.М. Ка-

рамзина: проблемы преемственности» (2003) представляет научный интерес для нашей темы, особенно глава вторая «Творческая личность Карамзина в оценке русских писателей» и шестая «Продолжение и переосмысление проблематики “Писем...” в альманахе Карамзина “Аглая” и в материалах “Вестника Европы”. Пути художественной трансформации карамзинских текстов русскими писателями» [16]. Во введении к диссертации исследовательница пишет, развивая раннюю идею Эйхенбаума: «Проблема осмысления того значения, которое имело наследие Н.М. Карамзина для русской литературы последующих десятилетий, приобрела в наши дни особую актуальность. Если историко-литературная наука XIX столетия замыкала Карамзина в рамках его времени, отмечая всё же его первенство во многих начинаниях, то современное литературоведение, охватывая творчество Карамзина в историко-литературной перспективе, выявило колоссальную роль его личности и его произведений для новых поколений писателей» [16, с. 1-2].

В диссертациях Н.А. Спектор и Л.А. Сапченко положительно были отмечены и ранние научные труды автора данной статьи по подходу к рассматриваемой теме [2; 3], где доказывалось знание и чтение Толстым «Вестника Европы» (1802–1804) и утверждалось: «Публицистические сочинения Карамзина (помимо других источников) помогли Толстому художественно воссоздать в “Войне и мире” общественное сознание александровской эпохи в его развитии» [3, с. 127].

Задача данной статьи – проследить трансформацию мифа о Наполеоне

(апология или развенчание) на страницах «Вестника Европы» Н.М. Карамзина и эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого. Актуальность подобного исследования подтвердили доклады отечественных и французских учёных на недавно состоявшемся (3–5 октября 2016 г.) в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН международном симпозиуме «Наполеоновские мифы в мировой культуре: эпистемология, аксиология, репрезентации в литературе, историографии, искусстве». Процесс мифологизации личности Наполеона в литературе, искусстве и литературоведении, несмотря на некоторое ослабление влияния этого мифа на современность, не окончен и по сей день.

Платон определял миф как вымысел, который социум считает фактом. Подобное понимание ближе всего к феномену создания мифа Наполеона в общественном сознании романтически настроенных молодых людей из высшего общества александровской эпохи как их «коллективных» и личных представлений. Карамзин жил в эту эпоху. Мыслитель и писатель видел, наблюдал этот феномен, изучал и пре-красно воспроизвёл его трансформацию в «Вестнике Европы» (1802–1804), что нами отчасти было рассмотрено в статье «“Дух нового времени” в публицистических статьях Н.М. Карамзина в “Вестнике Европы”» [1, с. 81-92]. Временная дистанция и иная творческая задача была у Толстого: художественное воссоздание этого феномена в «Войне и мире» в духовно-нравственных исканиях молодых героев, и создание реалистического образа Наполеона. Дальнейший анализ текстов: статей из карамзинского издания и основного

текста и черновых вариантов «Войны и мира» (позволяющих увидеть художественную мысль Толстого в развитии), – покажет, что отношение к мифу о Наполеоне и у Карамзина, и у героев «Войны и мира» было совсем неоднозначным.

«Война и мир» (основной текст) начинается французской фразой о Бонапарте-антихристе: он открывает действие, являясь одной из самых важных и динамичных фигур сюжета; служит антитезой другому историческому персонажу – Александру I. Высокую миссию России герои романа (основной текст) видят в спасении Европы от этого узурпатора власти, таково мнение придворной знати из светского салона Анны Павловны Шерер, которая убеждена, что именно в этом и высокое призвание Александра I: «Нашему доброму чудному государю предстоит величайшая роль в мире, и он исполнит своё призвание задавить гидру революции, которая ещё ужаснее в лице этого убийцы и злодея» [18, т. 4, с. 9].

Здесь ярко выражена художественная оппозиция Наполеон – Александр I, этическое противопоставление: «зло – добро», далее – и национальное: «он француз – мы русские».

Антитеза Наполеон и Александр I в цикле статей, посвящённых Наполеону в «Вестнике Европы», составила организующее начало этической и политической позиции Карамзина, как автора, так и редактора.

Для издателя «Вестника Европы» это было противопоставление «тёмного» политического гения – Бонапарта (хотя «гений и злодейство», безусловно, для Карамзина, как и для Пушкина, «две вещи несовместные»)

и «светлого» политического гения – Александра I¹.

Материал о Бонапарте появляется в первых же номерах «Вестника Европы», но это свидетельствует не о «бонапартистском» направлении журнала, а об интересе читающей и думающей публики александровского времени к столь важной политической фигуре в международных делах, и издатель, в соответствии с общественными задачами журнала, знакомит читателей с загадочным для них пока образом французского консула.

В № 8 «Вестника Европы» за 1802 г. Карамзин публикует «Письмо о консуле Бонапарте» (без подписи), словесный портрет будущего героя (или антигероя, каждый из читателей волен сделать выбор сам), наглядно демонстрируя, как формируется миф о Наполеоне: «Всякий портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистью или резцом изобразить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приёме и обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый

¹ В статье «“Дух нового времени” в публицистических статьях Н.М. Карамзина в “Вестнике Европы”» мы опровергли сложившееся априорное мнение у некоторых исследователей [14, с. 20], что «Вестник Европы» журнал «откровенно бонапартистский», в котором личность и политику Наполеона Карамзин рассматривает как показательный пример для Александра I, противопоставляя сильного правителя Наполеона слабому правителю Александру I. Доказав, что в этой антитезе Наполеона – Александра I, их надо поменять местами: слабый правитель (Наполеон) – сильный правитель (Александр I), согласно пониманию их роль в истории для Карамзина [1].

взор – потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз, слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французом; отвечает коротко и нерешительно, так что из слов его нельзя ничего заключить об успехе дела» [4, с. 343].

Для главных героев «Войны и мира», молодых либералов Андрея Болконского и Пьера Безухова, в начале эпопеи Бонапарт – герой и кумир, «гений военного искусства», «самый великий человек древней и новой истории» [19, с. 195-196]. В сцене обеда у молодого князя Волконского (черновой вариант начала «Войны и мира») его жена невольно выдаёт присутствующим слабость мужа: «Нет портрета, нет бюста Наполеона, которого не было у Andre, – сказала княгиня, – посмотрите у него в кабинете» (пер. с франц.) [19, с. 197].

В приведённом выше «Письме о консуле Бонапарте» и в других исследуемых нами ранее и ниже статьях «Вестника Европы» («День консула Бонапарта, из записок одной немецкой дамы, живущей в Париже» [5], «Письмо из Парижа. Приём в Сен-Клу. (Из нем. журнала)» [6], «Цезарь, Кромвель и Бонапарте (Из англ. “Ведомостей”)» [9]) можно предположить отчасти авторство Карамзина, который по всем отзывам европейской прессы создаёт некий собирательный психологический портрет Бонапарта, сначала иронично-восторженный, из которого очень явственно видны черты великого лицедея, играющего пока в многозначительность и загадочность «редкого человека», который на глазах изумлённой публики скоро превратится в «великого человека», но у которого уже «ни одна черта не изобра-

жает отменного человека» [5, с. 307]. Это не просто один из знаменитых парадоксов гения. Карамзин как писатель представляет разные психологические и художественные модели трансформаций образа Бонапарта в прессе, оформленные им в логическую цепь превращений от создания мифа (далее загадочный образ постепенно проясняется и вызывает явную неприязнь) до его развенчания (прозрение наступило в 1804 г., когда произошло полное превращение «маленького капрала» в императора). Для Карамзина, будущего историка, это важно для возможного разрешения противоречия (уже назревающего исторического военного конфликта), которое существует в данной ему реальности и которое сейчас ему невозможно разрешить иным путём, нежели демифологизацией личности Бонапарта. Это приводит к появлению в статьях о Наполеоне определённого числа слоёв, которые раскрываются по суживающейся спирали, развивая во времени и пространстве (представлен взгляд из России, Франции, Германии, Англии) этот ментальный феномен, пока миф не будет развенчан.

Многие горячие головы и тщеславные сердца молодых людей александровского времени были романтически увлечены славой Бонапарта, которую они ошибочно принимали за величие. Развенчание этого мифа реальностью событий войн с наполеоновской армией 1805 и 1812 гг. была художественной задачей Толстого.

В романе «Война и мир» не случайно старый князь Болконский с насмешкой над «новыми людьми» и увлечением сына «великим полководцем» с твёрдым убеждением пожившего на свете

человека говорит, что «Бонапарте был ничтожный французишка, имевший успех только потому, что уже не было Потёмкиных и Суворовых противопоставить ему», для вельможи екатерининской эпохи «Буонапарте» – «холопский император» [18, т. 4, с. 142–143]. В отчасти беспомощном (не услышан, не смог убедить) крике старика сыну, идущему на войну: «Ступай же ты к Буонапарте своему», – утверждение, что их спор рассудит сама жизнь, грядущая война [18, т. 4, с. 144].

Но и у «молодых» героев эпопеи величие Бонапарта вызывает иногда сомнения. Пьер (в черновых вариантах романа) возражает князю Андрею на его восклицание: «Что ни говорите, он самый великий человек древней и новой истории» – «Это ваш герой. Не понимаю, как можно так любить человека нехорошего... Ну, уж это наша слабость, *le petit sarogal* (маленький капрал)» [19, т. 13, с. 196, 197].

Возможно, что именно статьи из «Вестника Европы» помогли Толстому передать в романе всю сложность восприятия Бонапарта современниками: он показывает взгляд на него всех слоёв русского общества.

Мнение старого князя Болконского справедливо, но он ещё не видит всей полноты опасности властолюбия Наполеона, «пустого человека» (хотя он первый, кто поймёт и выскажет эту сущность «маленького капрала» [18, т. 4, с. 142–143], готового ввергнуть в хаос войны всю Европу. У персонажей романа, лишённых собственного мнения и придерживающихся официального, Бонапарт – узурпатор законной власти, «корсиканское чудовище, которое возмущает спокойствие Европы». Роялист-эмигрант виконт Мортемар

убеждает светское общество в салоне у Шерер, что поступки Бонапарта – «...шулерство, вовсе не похожее на образ действий великого человека», с ним тут же соглашается князь Ипполит: «Выскачка, что ни говорите» (пер. с франц.) [18, т. 4, с. 29].

В первой сцене романа официальное великосветское мнение оспаривают убеждённые бонапартисты Андрей и Пьер, их не смущает даже то, что для достижения своих целей Наполеон совершает убийство – казнь герцога Энгиенского. Пьер оправдывает это злодейство тем, что это «была государственная необходимость; и я именно вижу величие души в том, что Наполеон не побоялся принять на себя одного ответственность в этом поступке»; «один Наполеон сумел понять революцию, победить её, и потому для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека»; «Наполеон велик, потому что он стал выше революции, подавил её злоупотребления, удержав все хорошее – и равенство граждан, и свободу слова и печати только потому приобрёл власть» [18, т. 4, с. 27]. Якобинские взгляды Пьера тут же оспариваются всем обществом, кроме князя Андрея: «Как, месье Пьер, вы видите в убийстве величие души?» [18, т. 4, с. 28]. Заблуждения молодого человека очевидны даже для маленькой княгини Болконской: «А пленные в Африке, которых он убил? <...> Это ужасно!» [18, т. 4, с. 29]. Князь Андрей приходит к другу на помощь: «...надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора. <...> Наполеон как человек велик на Аркольском мосту, в госпитале в Яффе, где он чумным подаёт руку, <...> но есть дру-

гие поступки, которые трудно оправдать» [18, т. 4, с. 29–30].

В черновых вариантах начала «Войны и мира» полярность отношения к Наполеону не столь явно выражена. Толстой пытался там передать все оттенки восприятия Бонапарта молодыми людьми, будущими участниками походов против его армии. Князь Андрей признаётся другу: «Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы так восхищался, как им. Вот мой откровенный взгляд на него» (пер. с франц.) (13, 197); и далее поясняет: «...ненавидел, как врага законной монархии, и обожал, как величайшего полководца мира» [19, т. 13, с. 198].

В другом варианте текста Толстой поясняет, как создавался миф – романтический ореол вокруг фигуры Бонапарта и французской революции, идеи, которую он олицетворял для юных умов: «Я понимаю и твоё одушевление к революции, – говорит князь Андрей Пьеру. – Я аристократ, да, но я люблю великое во всём. Я не разделяю этих мыслей, но тут есть поэзия, я понимаю. Я понимаю, как можно обожать такого человека, как *le petit sарoral*, хотя и не обожаю его, и с у доволствием пойду драться против него» [19, т. 13, с. 231].

Напомним, Карамзин в № 20 «Вестника Европы» за 1804 г. публикует статью, развенчивающую романтические представления его молодых современников-либералов и о Наполеоне, и о французской революции – «Цезарь, Кромвель и Бонапарте (Из англ. “Ведомостей”): «Поработить народ именем вольности, предаться всем злодеяниям, твердя о добродетели: вот первые начала науки революционной! Известно, какую силу имеют слова над умами толпы народной, но ещё может

быть и не довольно примечено, сколь далеко простирается сила их в отношении к тем, которые почитают себя чуждыми общих предрассудков, потому что воспользовались ими. <...> Г. Бонапарте, подобно Цезарю, уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего государя; подобно тому и другому покусился присвоить себе царское достоинство – но здесь оканчивается сравнение» [9, с. 335]. Отличие Наполеона от других тиранов автор статьи видит лишь в том, «что г. Бонапарте рассудил за благо поступить совсем иначе: он дерзнул стать на ряду с государями, но мы уверены, что он от страха не назвался королём французов. Г. Бонапарте польстил себя надеждою, что титул императорское, новое для французов, не возбудит в них, подобно королевскому, напоминаний, для него страшных...» [9, с. 337–338].

Толстой в черновых вариантах отмечал, что, описывает «то самое время, когда у нас в России человек с маленькими ручками и орлиным носом звали Буонапарте... когда отвращение к святотатцу, осквернившему престол святого Лудовика и мученика Лудовика, соединялось с презрением к нему...» [19, т. 13, с. 71–72].

В первой сцене романа (основной текст) новость о коронации Бонапарта обсуждается собравшимся у А.П. Шерер великосветским обществом: «Но как вы находите эту последнюю комедию коронации в Милане? – сказала Анна Павловна. – ... И господин Бонапарте сидит на троне и исполняет желания народов. <...> Нет, от этого можно с ума сойти. Подумаешь, что весь свет потерял голову. <...> Надеюсь, что это была, наконец,

та капля, которая переполнит стакан. Государи не могут более терпеть этого человека, который угрожает всем» (перевод с франц.) [18, т. 4, с. 25].

Ответ эмигранта виконта Мортемара хозяйке салона звучит отрезвляюще безнадежно: «Государи! Они шлют послов приветствовать похитителя престола». Он же иронично-презрительно доказывает Пьеру всю глупость его речей о величии революции и её идей: «Да, идеи грабежа, убийства; и царубийства. <...> Свобода и равенство ... все громкие слова, которые уже давно компрометировались. Кто же не любит свободы и равенства? Ещё спаситель наш проповедывал свободу и равенство. Разве после революции люди стали счастливее? Напротив. Мы хотели свободы, а Бонапарте уничтожил её» (перевод с франц.) [18, т. 4, с. 26].

Поучения виконта, на себе испытавшего воплощение в реальности «идей» французской революции, очень напоминают начало статьи из «Вестника Европы», цитированной выше, – «Цезарь, Кромвель и Бонапарте».

Совсем иначе «эта последняя комедия» воспринимается князем Андреем Болконским, у него лицедейство Наполеона вызывает восхищение: «“Бог дал мне корону. Горе тому, кто её тронет”. <...> Говорят, он был очень хорош, прозвоня эти слова» (перевод с франц.) [18, т. 4, с. 25].

С точкой зрения Карамзина на загадку величия Наполеона, отчётливо высказанную в указанных выше статьях, и особенно с его утверждением: «...какую силу имеют слова над умами толпы народной», почти полностью совпадает оценка Толстым мифа о Бонапарте в начале романа: «Подумаешь, что весь свет потерял голову» [18, т. 4, с. 25].

В черновых вариантах «Войны и мира», определяя характерные черты александровской эпохи, Толстой даёт ясное объяснение психологическому феномену возвышения Бонапарта: «Это было то время, когда Наполеон уже убедился, что не нужно ума, постоянства и последовательности для успеха, что нужно только твёрдо верить в глупость людскую, что в сравнении с людской глупостью и ничтожеством всё будет величием, когда верят в него. Он не обдумывал, а делал то, что ему первое приходило в голову, подстраивая под каждый поступок систему и называл сам каждый свой поступок великим ... и все бились проникать глубочайший, сокрытый смысл его поступков, и никто не думал о том, что кроме проявлений прихотливых желаний человека смысла никакого не было. Но он верил в себя, и весь мир верил в него» [19, т. 13, с. 58].

Повторим, что в статьях «Вестника Европы» антитезой «тёмному» правителю-тирану, разрушителю спокойствия народов Европы – Наполеону является «светлый» мудрый монарх, который «чтит древний образ своего правления» и «безопасность и счастье своего народа» – Александр I. В 1804 г. Карамзин опубликовал в своём журнале в № 3 статью «Первые годы царствования Александра I». В ней «последним превращениям французского правления» противопоставлен идиллический образ России «под кроткою державою» Александра I: «Где господствует тишина и спокойствие, где земледелие и промышленность подают друг другу руки; где правитель и граждане согласно текут путём своим; там народ благодетельствует под мудрым правлением» [7, с. 64]. Здесь уже созда-

ётся своеобразный миф об Александре I и начале его царствования.

На опровергнутое нами «заявление» отдельных исследователей, что «Вестника Европы» «бонапартистский журнал», можно представить как аргумент следующее утверждение, что журнал Карамзина «монархический». В 1804 г. Карамзин во внезапном превращении французского правления из республиканского консульского в монархическое увидел подтверждение «давно уже всеми признанной истины», «что государство обширное и великое не может и не должно быть республикою» [7, с. 65].

Монархизм в то время исповедовало почти всё высшее сословие России, обожание своего монарха было естественным. Для А.П. Шерер, Жюли Карагиной и других верноподданных персонажей «Войны и мира» Александр I был «ангелом, которого всемогущий в своей благодати поставил над нами повелителем», он всегда для них, как помазанник Божий, противопоставит «корсиканскому чудовищу» и «антихристу», воплощающему разрушительные силы тьмы [18, т. 4, с. 9, 127].

Только захваченные либеральным духом молодые герои Андрей и Пьер убеждены в обратном, хотя князь Болконский в силу своего аристократического происхождения в душе – монархист. Это именно о них и их взглядах, о новом разрушительном духе времени сказано в начале романа: «...свет потерял голову» [18, т. 4, с. 25].

Где искать истоки этих заблуждений молодых умов России?

И Карамзин, и Толстой видят их в иностранном воспитании целого поколения русских дворян, выросших на любви к Франции.

«Мы осыпаны, можно сказать, обременены благодеяниями господ французов, – с иронией отмечал Карамзин в «Вестнике Европы» за 1804 г. в № 16. – Никто не сомневается, с какими трудностями сопряжена обязанность приучать грубых северных жителей произносить в нос французское п, заставляя вытверживать вокабулы и ощупью по пути непорочному и непроходимому вести нас к храму просвещения» [8, с. 658].

Толстой в начальных вариантах «Войны и мира» особенно подчёркивал, что это было «то время», «когда лестно и славно казалось быть французом, когда у нас в России во всех семействах хвастались друг перед другом своими французами-губернёрами, дамы в Петербурге бегали за секретарями французского посольства, когда все говорили по-французски лучше самих французов и спорили за французов и Наполеона» [19, т. 13, с. 183].

Для Карамзина, погружившегося в изучение русской истории, пора просветительских мечтаний и надежд периода издания «Вестника Европы» подошла к концу, наступила пора разочарования и переосмысления прошедшего перед лицом будущих испытаний «духа» нации «грозою двенадцатого года». Плоды его глубоких размышлений и анализа современности «Вестника Европы» в сопоставлении с развитием истории осуществились в его историко-публицистическом сочинении 1811 г. «Записка о древней и новой России», в которой автор выразил более зрелый и нелюбимый взгляд историка на александровское правление и его реформы: «Можно было угадать следствия... Но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное

властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его?..»; «...каким образом изъясним горестное расположение умов? Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра» [12, с. 49-51]. С историком Карамзиным в спор в первых томах «Войны и мира» вступают

жаждущие перемен более молодые, либеральные его «литературные» современники – князь Андрей Болконский и Пьер Безухов, которые на страницах эпопеи пройдут свой путь разочарования в своём герое Наполеоне и переосмысления смысла исторических событий своего времени через испытания их «духа» «грозою двенадцатого года».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блудилина Н.Д. «Дух нового времени» в публицистических статьях Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 5. С. 81-92.
2. Блудилина Н. Д. Литературные источники романа Л. Н. Толстого «Война и мир». (Художественно-документальная проза): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994. 27 с.
3. Блудилина Н.Д. Толстой и Карамзин // Н.М. Карамзин. Юбилей 1991 г. Сборник научных трудов. М., 1992. С. 127-135.
4. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 8. С. 293-395.
5. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1803. № 12. С. 239-323
6. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1803. № 18. С. 85-162.
7. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 3. С. 175-240.
8. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 16. С. 239-347.
9. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 20. С. 263-347.
10. Галахов А.Д. Карамзин как оптимист // Отечественные записки. 1858. Т. 116. № 1. С. 107-146.
11. Галахов А.Д. Образ мыслей Н.М. Карамзина как историка // Вестник Европы. Т. IV. 1866. Декабрь. С. XXXIII–LVIII.
12. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
13. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. 128 с.
14. Кувшинова Н. В. Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: автореф. дисс. ... канд. филос. н. Шуя, 2009. 22 с.
15. Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Лотман Ю.М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. 832 с.
16. Сапченко Л.А. Творческое наследие Н.М. Карамзина: проблемы преемственности: дисс. ... д-ра филол. н. М., 2003. 463 с.

17. Спектор Н.Б. Н.М. Карамзин в художественном сознании Л.Н. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998. 209 с.
18. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1978.
19. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. М., 1953.
20. Фадеева И.И. Образ Наполеона Бонапарта в журнале Н.М. Карамзина «Вестник Европы» // Экстремизм, конфликты и войны: история и современность. Труды международной конференции. 2010. С. 154-156.
21. Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. Пб.; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. 156 с.

REFERENCES

1. Bludilina N.D. «Dukh novogo vremeni» v publitsisticheskikh stat'yakh N.M. Karamzina v «Vestnike Evropy» ["The new Zeitgeist" in N. Karamzin's publicistic articles in the "Envoy of Europe"] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 5. pp. 81–92.
2. Bludilina N.D. Literaturnye istochniki romana L. N. Tolstogo «Voina i mir». (KHudozhestvenno-dokumental'naya proza): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Literary sources of the novel by L. Tolstoy "War and peace": abstr. from candidate of Philological Sciences thesis]. M., 1994. 27 p.
3. Bludilina N.D. Tolstoy i Karamzin [Tolstoy and Karamzin] // N.M. Karamzin. Yubilei 1991 g. Sbornik nauchnykh trudov [N. Karamzin. The anniversary of the 1991. Collection of scientific papers]. M., 1992. pp. 127–135.
4. Vestnik Evropy, izdavaem Nikolae Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1802. pp. 293–395.
5. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1803. pp. 239–323.
6. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1803. pp. 85–162.
7. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1804. pp. 175–240.
8. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1804. pp. 239–347.
9. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1804. pp. 263–347.
10. Galakhov A.D. Karamzin kak optimist [Karamzin as an optimist] // Otechestvennye zapiski [Domestic Notes]. 1858. Vol. 116. no. 1. pp. 107–146.
11. Galakhov A.D. Obraz myslei N.M. Karamzina kak istorika [Way of thinking of N. Karamzin as a historian] // Vestnik Evropy. T. IV. 1866. Dekabr'. S. XXXIII–LVIII. [Envoy of Europe. Vol. IV. 1866. Dec. pp. XXXIII–LVIII.].
12. Karamzin N.M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note about ancient and new Russia in its political and civil relations]. M., 1991.
13. Karamzin N.M. Izbrannye stat'i i pis'ma [Selected articles and letters]. M., 1982. 128 p.
14. Kuvshinova N.V. Nравstvennye osnovaniya mirovozzrencheskikh idei N.M. Karamzina: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk [Moral basis of philosophical ideas of N. Karamzin: abstr. from candidate of Philological Sciences thesis]. Shuya, 2009. 22 p.
15. Lotman YU.M. Evolyutsiya mirovozzreniya Karamzina (1789–1803) [The evolution of Karamzin's outlook (1789–1803)] // Lotman YU.M. Karamzin. Sotvorenie Karamzina. Stat'i

- i issledovaniya 1957–1990. Zametki i retsenzii [Y. Lotman. Karamzin. The Creation of Karamzin. Articles and studies of 1957-1990s. Notes and reviews]. SPb., 1997. 832 p.
16. Sapchenko L.A. Tvorcheskoe nasledie N.M. Karamzina: problemy preemstvennosti: diss. ... dokt. filol. nauk: 10.01.01 [The creative legacy of N. Karamzin: the problem of continuity: doctor of Philological Sciences thesis: 10.01.01]. M., 2003. 463 p.
 17. Spektor N.B. N.M. Karamzin v khudozhestvennom soznanii L.N. Tolstogo: diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 [Karamzin in the artistic consciousness of L. Tolstoy: doctor of Philological Sciences thesis: 10.01.01]. Ivanovo, 1998. 209 p.
 18. Tolstoy L.N. Sobr. soch.: v 22 t. [Coll. of works: 22 vols]. M., 1978.
 19. Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tt [Complete works: in 90 vols]. M., 1953.
 20. Fadeeva I.I. Obraz Napoleona Bonaparta v zhurnale N.M. Karamzina «Vestnik Evropy» [The image of Napoleon Bonaparte in N. Karamzin's magazine] // Ekstremizm, konflikty i voyny: istoriya i sovremennost' [Extremism, conflict and war: history and modernity]. Proceedings of the international conference, 2010. pp. 154–156.
 21. Eikhenbaum B.M. Molodoy Tolstoy [Young Tolstoy]. SPb., Berlin, Izd-vo Z.I.Grzhebina, 1922. 156 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Блудилина Наталья Даниловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
e-mail: dilinata@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natallya Bludilina – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher at A. Gorky Institute of world literature, Russian Academy of Sciences;
e-mail: dilinata@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Блудилина Н.Д. Апология или развенчание мифа о Наполеоне на страницах «Вестника Европы» Н.М. Карамзина и эпоса «Война и мир» Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 202-213.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-202-213

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Bludilina. Apology or debunking of the myth of Napoleon on the pages of the N. Karamzin's «Envoy of Europe» and the novel «War and peace» by L. Tolstoy // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 202-213.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-202-213